

СЕРГЕЙ ГАРИН

МОРЯКИ

Сергей Гарин

Моряки

«Public Domain»

1911

Гарин С. А.

Моряки / С. А. Гарин — «Public Domain», 1911

«Утром вестовой из штаба принес лейтенанту Калюжному пакет. Калюжный распечатал его, нахмуясь.,,Неужели перевод на другое судно“?.. – подумал он, вынимая вдвое сложенную бумагу. В бумаге было предписание явиться сегодня, к полдню, в штаб. Распоряжение шло от адмирала...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Гарин

Моряки

Из летописи минувшей войны

I

Утром вестовой из штаба принес лейтенанту Калюжному пакет. Калюжный распечатал его, нахмурился.

«Неужели перевод на другое судно»?.. – подумал он, вынимая вдвое сложенную бумагу.

В бумаге было предписание явиться сегодня, к полдню, в штаб. Распоряжение шло от адмирала.

«Нет, не перевод!.. – мелькнуло у Калюжного. – Перевели бы, прямо, приказом. Что-нибудь другое».

Он начал припоминать истекшую неделю. Особенного, кажется, в ней ничего не было, за что могло бы влететь. Правда, в шантане он бывал ежедневно, но кто же теперь сидит вечером на судне, когда война уже подходит к концу, и, не сегодня-завтра, мир будет объявлен? Одиннадцать месяцев войны уже канули в Лету, и он, Калюжный, добросовестно просидел их на крейсере, не ударив пальцем о палец. Сначала это было тяжело и хотелось какого-нибудь «дела», хотелось хоть почувствовать, что есть война. А потом нервы как-то притупились, и Калюжному стало совершенно безразличным: придут ли японцы во Владивосток, или не придут... Когда нервы были еще приподняты, Калюжный с какой-то внутренней судорогой приходил в шантан. Ему казалось, что он делает величайшую подлость, что ему место не здесь, а где-то там, по ту сторону горизонта, где разрываются снаряды, и льется кровь. Теперь же мысль о подлости и роковой горизонт уплыли куда-то и стали далекими и неясными, как скверный сон. И, входя в шантан, Калюжный ощущал прилив какого-то буйного веселья. Хотелось пить; много и долго пить, чтобы охмелеть до потери сознания; хотелось драться и бить все, что попадется под руку... Но, конечно, никаких скандалов. Калюжный не делал. А вот пьян он бывал часто и даже, как говорили товарищи, «сугубо».

Был пьян он и во вторник. Конца этой ночи он не помнит, но на крейсере ему говорили, что он, под гром аплодисментов, танцевал с какой-то американкой кекуок... В другое время, до войны, или даже в начале ее, лейтенанту сделалось бы совестно за этот «трюк». Но сегодня, когда старший офицер крейсера, изящный и корректный капитан второго ранга фон Римс, во время разговора об этом в кают-компани, укоризненно взглянул на Калюжного и крикнул, – лейтенант победоносно обвел глазами кают-компанию и нахально сказал:

– Я еще и не то могу!

«Наверно за американку распекать будет! – уверенно подумал лейтенант и поморщился. – И дернул меня черт пускаться в пляс! Действительно неудобно».

В перспективе было дисциплинарное взыскание.

«Посадит еще суток на двадцать под арест! Или в Экипаж спишет, и тогда изволь прозябать в нарядах и караулах».

Лейтенант встал из-за письменного стола, за которым сидел, и подошел к окну. Он занимал квартиру в бельэтаже на Светланской улице. Было у него три небольших, но уютно обставленных комнаты, и из окон их был виден «Золотой Рог» со стоящими на нем судами. На дворе были первые проблески весны, и бухта еще не освободилась от льда. Военные суда стояли на стальных бочках с мертвыми якорями. И хотя, по случаю войны, они должны были стоять на собственных якорях и все время под парами, – этого не было, так как командующий флотом

был человек экономный, в появление японцев у Владивостока не верил и потому приказал стать на бочки, а пары держать только для отопления.

Из окна Калюжному были видны почти все суда владивостокской эскадры. На фоне противоположного берега выделялись, окрашенные в боевой цвет, громадные корпуса «Родины» и «Перуна»¹. Из-за крыш арсенала и портовых мастерских выглядывали трубы «Исполина», почти всю войну простоявшего в доке. Калюжный посмотрел на эти трубы, и ему стало больно. Это был его крейсер, на котором он исполнял обязанности штурманского офицера. Но штурманские офицеры нужны только в ходу, когда от них требуется прокладка курса и счисление пути корабля. А одиннадцать месяцев ходить по кораблю, все время стоящему в ремонте, с ободраным боком, ничего не делая; слышать все это время не грохот орудий, и не плеск рассекаемых волн, а монотонный стук молотков и скрябок рабочих, – лейтенанту казалось обидным.

Толстый, плотный лед покрывал всю бухту неподвижной, мертвой крышкой. Около самых кораблей лед был прорублен... Ближе к берегу, в шахматном порядке, стояли эскадренные и номерные миноносцы. И тоже не было на них жизни; орудия были в чехлах, трубы не дымили... И Калюжному казалось, что это стоят не боевые единицы, а черные гробы, ожидающие своей могилы...

Издали, за бухтой Диомид, виднелось, свинцовое, однотонное небо... И сколько ни глядел на него лейтенант – нигде не двигалось оно... Будто натянул кто-то над землей грязное и скверное полотно.

Лейтенант вздохнул и отошел от окна, подошел к двери и крикнул:

– Николай!

На пороге двери появился низкорослый, широкоплечий матрос с добродушным, но не глупым лицом, одетый в матросскую рубашку с синим воротником. Он вопросительно взглянул на офицера.

– Сюртук и саблю!.. – сказал ему лейтенант.

– Есть!.. – ответил матрос и скрылся за дверью, но сейчас же появился снова, неся требуемое. Лейтенант скинул тужурку, надел сюртук и долго стоял перед зеркалом, поворачиваясь то одним, то другим боком. А затем Николай надел на него португепю с саблей, обтянул фалды сюртука, сбросил с плеча какую-то соринку...

– К адмиралу, ваше благородие?.. – спросил он лейтенанта.

– Да!.. – ответил Калюжный, и обернулся. – А ты почему знаешь?

– Знаю! Вестовой из штаба сказывал. Твоего, мол, барина, адмирал требует! Уж мы с ним мерекали.

– Насчет чего?

– Да вот насчет этого!

Лейтенант опять повернулся к зеркалу и рассматривал теперь свое лицо, трогая его двумя пальцами правой руки.

– Ну, и на чем же порешили?

– Я, говорит, не дух святой: знать не могу, а только будет, говорит, что-нибудь особенное!

– Я знаю, зачем меня адмирал зовет... – сказал Калюжный.

Матрос стоял молча и почтительно, но на лице у него было написано ожидание.

– Вероятно, распекать меня будет... – продолжал лейтенант. – За вторник.

Он стал спиной к зеркалу и спросил:

– А что, очень я был пьян во вторник?

Николай переминался с ноги на ногу:

– Не особенно уж очень, ну, а все-таки...

¹ Названия военных судов вымышлены (Примеч. автора)

Поднял глаза на лейтенанта и расцветился улыбкой:

– Дюже были пьяны, ваше благородие!..

– Ну, ладно... – нахмурился лейтенант – Давай пальто и фуражку! Идти, так идти! Не повесят же, в самом деле!

Матрос стал натягивать на лейтенанта пальто. И сказал озабоченно и со вздохом:

– Так точно, ваше благородие: не повесят!

Калюжный нахлобучил фуражку, вышел на улицу и зашагал к штабу.

II

В высоких, светлых комнатах морского штаба кипела работа. За длинными, столами, крытыми клеенкой, сплошь заваленными различными сводами военных законов, кипами циркуляров и отношений, сидели писаря-матросы, старательно выводя перьями черновики приказов, цифры смет, и статьи прихода и расхода материалов. Несколько пишущих машинок щелкало на все комнаты, заглушая по временам человеческий говор.

За письменными столами сидели чиновники и тоже скрипели перьями, прихлебывая маленькими глотками остывший уже чай. Дверь адмиральского кабинета поминутно отворялась, и в ней показывались: то делопроизводители, то начальник штаба, невысокий капитан первого ранга, с лысиной во всю голову.

По временам, за этой дверью, слышался чей-то резкий и властный голос. Тогда во всех комнатах моментально прекращалась работа, и сидящие в ближайших вытягивали шеи и напрягали слух, стараясь уловить происходящее в кабинете.

Калюжный вошел, поздоровался с двумя чиновниками и прошел в комнату делопроизводителя строевого отдела. Здесь, за большим письменным столом, сидел пожилой, чиновник морского ведомства, с петлицами статского советника и с Владимиром на шее. Он устало взглянул поверх очков на лейтенанта, вяло протянул ему руку и спросил:

– К адмиралу?

Калюжный присел на стоявший около стола стул и закурил папиросу.

– К адмиралу!.. – ответил он, затягиваясь. – Вы не знаете, зачем он меня вызывал?

Чиновник пожал плечами.

– Ей-Богу, не знаю! Приказал вызвать. А зачем – черт его знает!

– Может, распекать за что-нибудь будет?

– И этого не могу сказать. Хотя, на это не похоже: у него опять мерехлюндия!

Он посмотрел снова сверх очков на молчавшего лейтенанта и добавил:

– Ходит по целым дням из угла в угол и вертит на животе пальцами. А то вдруг начинает кричать на первого встречного. И кричит без всякой причины.

Как раз, в эту минуту, из кабинета донесся адмиральский голос.

Чиновник торжествующе кивнул головой.

– Слышите! Вот так, изо дня в день!

Он сердито отбросил от себя карандаш, засопел носом и наклонился над какою-то ведомостью. Калюжный тоскливо посмотрел по сторонам, покачал ногой и протянул:

– Скверно! А все-таки... доложить бы нужно, что я пришел.

Делопроизводитель поднял голову и крикнул:

– Бастрюков!

В комнату вошел писарь с унтер-офицерскими нашивками на плечах.

– Доложи начальнику штаба, что лейтенант Калюжный пришел!.. – сказал ему делопроизводитель и опять наклонился над столом.

Писарь ушел. Калюжный поднялся, подошел к окну, чуть слышно посвистал и пошел к адмиральскому кабинету. Но не дошел до двери, как из нее вышел начальник штаба.

– Ага, вот и вы!.. – сказал он, здороваясь и пропуская вперед лейтенанта. – Пожалуйте, пожалуйста!..

Хотел было Калюжный спросить его о причине вызова, но они были уже в приемной, и в нее была отворена дверь из кабинета.

– Проходите прямо в кабинет!.. – сказал начальник штаба, идя за лейтенантом.

Когда Калюжный переступил порог кабинета, в первое время он адмирала не видел. Но затем увидел его стоящим у левого окна, спиной к двери. Адмирал был в тужурке, стоял, зало-

жив руки за спину, и его коренастая фигура закрывала ширину окна. Он лениво обернулся, услыша за своей спиной шорох, и посмотрел на вошедших, как на свалившихся с луны.

– Лейтенант Калюжный!.. – сказал начальник штаба, забегая слегка вперед.

Адмирал пыгливо посмотрел на лейтенанта, будто что-то припоминая, и подобрал нижнюю губу...

– Калюжный?.. Гм... да... да!.. – вдруг сказал он. – Гм, а вы того... где плаваете?

– На «Исполине», ваше превосходительство!.. – вытянулся лейтенант. – Штурманским офицером.

Калюжный ничего не понимал. «Хорош адмирал, – мелькнуло у него, – не знает своих офицеров»!

– На «Исполине»? – удивился адмирал. – Что же вам, собственно, угодно?

Начальник штаба подошел ближе.

– Вы, ваше превосходительство, вызывали сегодня лейтенанта. Вы хотели относительно подводной лодки.

Взгляд адмирала скользнул по фигуре начальника штаба с благодарностью, затем остановился на Калюжном, и по губам его пробежала улыбка.

– Ах, да!.. – вдруг обрадовался он. – Да, да... теперь я припоминая! Здравствуйте! – протянул он лейтенанту два пальца...

Тот почтительно пожал их.

– Да, да... подводная лодка!.. – продолжал адмирал, – Я вас, лейтенант, хочу назначить командиром на подводную лодку!

«Этого еще не доставало! – мелькнуло у Калюжного. – Что он, с ума, что ли, сошел»?

Но вслух, ответил, вытягиваясь:

– Слушаю, ваше превосходительство!

– У нас совсем нет дельных офицеров... – задумчиво сказал адмирал, и лицо его сделалось грустным. – Я вас назначу на «Аспазию».

Лейтенанту это вовсе не улыбалось. На подводные лодки, обыкновенно, назначали минных офицеров, а отнюдь не штурманских, не знакомых с подводным плаванием. И Калюжный решил сказать это адмиралу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.